

Чудеса на Новый год – дело обычное. Мы охотно вспоминаем истории, связанные с новогодними праздниками, которые так или иначе можно отнести к необыкновенным. Эти истории взрослеют вместе с нами. Одни из них перестают быть чудесными и переходят в разряд счастливых совпадений, другие прорастают крепкой живой изгородью, за которую всегда хочется заглянуть. Словно горит там ясный огонь с пляшущими всполохами света и разливают нежное уютное тепло. Стоит только найти и открыть калитку, как сразу погружаешься в иной мир, откуда струится тонкая тропинка на изломе двух твоих миров: «до» и «после». Именно по ней чаще всего мы уверенно шагаем к своим чудесам.

Новый, 1971 год мне довелось встретить в клинике Ленинградского медицинского научно-исследовательского института по туберкулезным заболеваниям на Лиговском проспекте. Туберкулезом я заразился от своего дяди, брата отца. У него была открытая форма этого заболевания. Когда-то он, будучи агрономом, при освоении целины в казахстанских степях заболел пневмонией переросшей в страшную болезнь. Ему за героический труд вручили Орден Трудового Красного Знамени, а туберкулез, в конце концов, в 46 лет свел его в могилу.

Что касается меня, то три года врачи не могли выяснить, что со мной происходит. Проба манту постоянно была положительной (это означало, что туберкулезные палочки, возможно, уже начали свою разрушительную работу). У меня слабел иммунитет. Из-за болезней я месяцами пропускал учебу в школе. Бедная моя мама видела, что ее ребенок тает на глазах и ничего не могла сделать. К общей беде у меня активно начал развиваться рахит, я начинал быстро уставать и задыхаться даже от небольших физических нагрузок. Мы превратились в постоянных узнаваемых посетителей районного туберкулезного диспансера.

Трудно поверить, но в начале 70-х годов прошлого века в Ленинграде не оказалось достаточно профессиональных врачей, которые могли бы правильно поставить мне диагноз. Очень хорошо запомнился тот день, когда за мной в школу прямо на урок прибежала запыхавшаяся медсестра с нашего участка. Она о чем-то пошептала с учительницей, и та мне сказала, чтобы я отправлялся в поликлинику в сопровождении нежданной гостии. Как оказалось, нужно было срочно сдать анализы. Позже в поликлинику подошла мама. Ей рассказали, что из Москвы приехал знаменитый врач по

исследованию туберкулезных заболеваний. Ему показали мою медицинскую книжку с исследованиями. После чего он сказал, чтобы меня срочно определяли в стационар и не куда-нибудь, а на Лиговку. Иначе «максимум через год меня потеряют». Так мне впоследствии рассказала моя мать. Врачи почему-то избегали слова «умрет». Клиника на Лиговке сильно отличалась от всех больниц, где мне приходилось бывать. Нас в отделении было немногим более тридцати детей. Попастъ туда считалось большой удачей. Позже я понял, что дело было не в удаче. Клиника на Лиговке принимала в основном безнадежных детей. Многим из них удаляли часть пораженного легкого, а затем они проходили курс интенсивной послеоперационной терапии, оставаясь, в лучшем случае, навсегда инвалидами. Ровный шрам на правой стороне груди, розовел чертовой отметкой как напоминание о том, что твои дни уже сочтены. Бывало и такое, что врачам удавалось обойтись без операции. За пять месяцев моего нахождения в клинике из отделения без хирургического вмешательства выписали четверых детей. Через два месяца все они вернулись обратно.

Я попал на Лиговку в конце октября 1970-го года в возрасте десяти лет. Врачам, медсестрам и нашим воспитателям, учителям удалось создать в отделении почти домашнюю обстановку. Два раза в неделю (субботу и воскресенье) нам разрешали свидания с родителями. Многие из них украдкой плакали. Время за процедурами и жестким распорядком дня летело незаметно. Новый, 1971-й год, приближался, волнуя нас ощущениями любимого праздника. Накануне 31 декабря лечащие врачи с дежурным воспитателем совершали обход. Мой лечащий врач Инна Александровна, женщина примерно сорока лет подарила мне значок и альбом для рисования с цветными карандашами. Другим детям врачи тоже дарили подарки и желали быстрее выздоравливать. Это была трогательная картина. Врачи заходили в ослепительно белых накрахмаленных халатах с сумками Дедов Морозов. Сначала они осматривали горло, руки, слушали легкие через фонендоскоп, делали пальпирование, справлялись, не болит ли чего, измеряли температуру и затем говорили хорошие слова и вручали подарки. Инна Александровна считалась врачом строгим и требовательным. На ней всегда был надет идеально белый наглаженный халат и белая медицинская шапочка. Иногда мне казалось, что ее халат вот-вот переломится – до такой степени он был накрахмален и отутюжен. Поблескивая золотой оправой очков, она всегда говорила ровно, не повышая голоса. Глаза ее с легкой поволокой голубизны нельзя было назвать теплыми. От ее одежды шел едва уловимый запах мыла. (Врачи не пользовались духами, когда шли на осмотр. У некоторых детей, проходящих лечение, ароматный запах духов мог спровоцировать аллергию). Ее утренний осмотр 31 декабря 1970-го года, видимо, мало чем отличался от других подобных. Но именно после ее, в общем-то, обыкновенных слов, произнесенных в тот день, многое изменилось в моей жизни. Эти слова я помню до сих пор. «Поверь мне, ты обязательно выздоровеешь. И запомни: будешь курить – умрешь». Мой лечащий врач произнесла эти слова по-особенному. Ее всегда холодные глаза словно потеплели. Она выдохнула их сердцем. Вечером, когда мы собрались в столовой посмотреть по телевизору «Голубой огонек», наш воспитатель Валентина Сергеевна придумала игру. Она раздала нам по кусочку бумаги и попросила загадать и написать желание на Новый год и, перевязав их ленточкой, положила под елку. Потом она

пыталась раскрыть наши новогодние «секреты». Валентина Сергеевна по-доброму шутила, или как сегодня говорят школьники «прикалывалась», не отгадав ничего из написанного. Когда очередь дошла до меня, она перестала шутить и, посмотрев мне в глаза, сказала «Твое желание сбудется. Ты выздоровеешь». Он неожиданности я покраснел и не нашелся, что ответить. Меня оглушил внутренний голос, слышно было, как толчками пульсирует кровь в голове: «Как она узнала?» Ничего в жизни мне не хотелось больше, чем выздороветь. Я мечтал стать нормальным ребенком, перестать читать жалость в глазах врачей, не видеть слез на глазах у родителей, избавиться от своей физической немощи – искривленной рахитом впалой грудной клетки и безобразной худобы. Увы, то, что я видел вокруг себя, не укрепляло мою веру, а скорее наоборот, подрывало ее. К сожалению, я не знал Бога, не умел молиться, и мне оставалось поверить всем своим незрелым сознанием, слабеющим сердцем и остатками душевных сил в то, что чудо возможно.

После Нового года мои дела пошли на поправку. Я это чувствовал. В апреле 1971 года меня отправили долечиваться на южный берег Крыма в санаторий «Москва». Год пролетел незаметно. За это время, как и в клинике на Лиговке, мои сверстники выписывались и уезжали домой. Потом снова возвращались обратно, все до одного. Болезнь не отпускала и продолжала отнимать надежду на выздоровление. Но мне уже было понятно, ясно как день, когда меня выпишут – я не вернусь. Разумеется, все назначенные процедуры и препараты я принимал неукоснительно. Хорошо ел, исполнял все рекомендации врачей. Пытался стать сильным в меру своих физических кондиций. Однажды в начале лет к нам в санаторий устроился на работу инструктор по оздоровительной физкультуре. За свою одиннадцатилетнюю жизнь я не видел вблизи столь совершенного мужского тела с ярко выраженной рельефной мускулатурой. Он каждый день утром и вечером занимался на пляже специальной гимнастикой с пятьюкилограммовыми гантелями. Звали нашего нового сорокалетнего инструктора Виктор Николаевич. Все мальчишки завороченно смотрели на него. Нам он казался полубогом. Набравшись смелости в один из, уверен, прекрасных дней, я подошел к нему и попросил научить меня стать таким же сильным. Удивительно, но Виктор Николаевич согласился. Он подарил мне килограммовые гантели, и с того времени каждый день в течение пяти месяцев проводил со мной занятия вечером, а рано утром я должен был проделывать те же упражнения самостоятельно. Мне бывало обидно, когда надо мной насмехались сверстники. Чаще всего они делали это зло. И после насмешек самолюбие еще долго саднило от того, что эти обиды я не заслужил. Виктор Николаевич, нашел нужные слова: «Не обращай внимания. Они тебе не чета. Верь в себя и все». Виктор Николаевич рассказал мне, что он был когда-то шахтером в Донецке. Заболел туберкулезом. Врачи сказали ему, что нужно менять климат, переезжать на южный берег Крыма. Что он и сделал. Начал заниматься дыхательной оздоровительной гимнастикой и выздоровел.

31 декабря 1971 года меня выписали из санатория «Москва». Вместе с отцом мы

коротали ночь в комнате отдыха на железнодорожном вокзале в Симферополе. Кроме нас в восьмиместном номере был еще один человек, поезд которого, как и наш, уходил рано утром. Родитель с ним быстро нашел общий язык, и они коротали новогоднюю ночь за бутылкой водки. Я был предоставлен самому себе и с удовольствием ел печенье с конфетами, запивая все лимонадом. Когда часы в гостиничном коридоре пробили полночь, мне вспомнился прошлый Новый год на Лиговке и мое заветное новогоднее желание – выздороветь, вырваться из убивающего туберкулезного капкана.

У меня получилось. Здоровый счастливый детский сон сомкнул мне веки. Но прежде я успел загадать новогоднее желание – скорее бы пришло утро.

Вячеслав СКАЛАЦКИЙ.

P.S. В санаторий я уже не вернулся. Закончил два Военно-Морских училища и стал офицером военно-морского флота. Выполнил норму четырех первых спортивных разрядов по различным видам спорта. Поименно помню всех людей, которым я обязан своим спасением и не устаю благодарить их. Бесконечно благодарен офицерам, сослуживцам отца из Ленинградской ракетно-артиллерийской академии имени Калинина. Они собрали деньги для того, чтобы купить нам билеты на самолет для проезда в санаторий. Помня о предупреждении своего лечащего врача Инны Александровны, я не курил и не курю. Иначе, как она говорила, умру.

Много воды утекло с тех пор. Я всегда загадываю желания на Новый год, хотя уже давно покрыт сединой и сам стал Дедом Морозом.

Наша вера и мечты многое меняют, как изменили мою жизнь всего два новогодних пожелания.